

Тысяча Кладбищенских Улиц

рассказ

Сергей Малюков

*Не ходи, прохожий,
Не топчи мой прах,
Я уж теперь дома,
А ты еще в гостях*
-Русская народная поминальная песня

I

-Три человека за эту неделю. - тяжело вздохнул старик Лаврентий, похоронных дел мастер, и похлопал Ивашку по плечу. Смешной, рыжеватый парнишка, которому едва исполнилось 17 лет, глубоко вздохнул. Он был подмастерьем Лаврентия, и сейчас, когда старый гробовщик заболел, Ивашке предстояло впервые отправиться на Великий Погост и проводить трёх человек в последний путь. Тяжелая хворь унесла жизни трёх деревенских - рабочего с шестерёночного завода, дьяка из Третьей Церкви, да самого деревенского головы. Имена их, как водится, уже пожгли и вкопали, родственники простились с телами, и остались от трёх людей, весьма уважаемых, лишь три крепких деревянных ящика, расписанных молитвами Третьей Церкви, обласканных руками жителей, оставивших на древесине тёмно-красные отпечатки ладоней.

Ивашка, не без помощи мужиков, погрузил на телегу тяжелые гробы, запряг лошадку, по старому обычаю отдал родственникам аккуратно отрезанные у покойников большие пальцы рук, взобрался на козлы и пустил лошадку тихим шагом вперёд. Увязались за ним детки-плакальщики, семена по старому асфальту, придерживая неловкими ручонками большие, резные маски. Наступало тёплое, майское утро, окошки пятиэтажек быстро гасли, но на работу люд выползать не спешил, ждал, пока проедет похоронная телега. Маленькая девочка-плакальщица неловко подняла маску и улыбнулась Ивашке: “возвращайся скорее, Ивашка, схорони всех - и домой, на блины...” С этими словами, она протянула напуганному мальчишке-гробовщику мятую конфетку, и надев безразмерную маску, убежала к остальным детям. Ивашка выехал за пределы деревни и отправился на север, к Большому Погосту.

Ивашка, не боялся смерти и покойников. Ещё в детстве, когда Пустые Сёстры бросили жребий и он попал в ученики к Лаврентию, он свыкся с тем, что, умирая, человек исчезает из памяти, его имя сжигается, и единственным свидетельством о его существовании становится аккуратно отрезанный большой палец, который забирают себе родственники. В самых древних и уважаемых семьях счёт пальцев идёт на сотни, что говорит об их верности традициям, да и о возрасте самих традиций. А Пустые Сёстры считают по таким страшным знакам историю. Сидят они в самых тёмных

квартирах, на верхних этажах, и раскладывают принесённые им пальцы по полу, вспоминая прошлое, да гадая на будущее.

Не понимал и боялся в смерти Ивашка только одного - Великого Погоста. Загробный мир, древний и страшный, дремал у самого порога их села, готовый принять к себе каждого, безразмерный и бесконечный. Разговоры о священном месте были строго запрещены Сёстрами. Всем, кроме редкого сословия Могильных Мастеров. Да и среди них ходили только те истории, которые были нужны для выполнения их страшной работы.

“Мертвецам, стало быть, тоже нужно место, где можно селиться” - так поговаривал старый Лаврентий. “ У нас тут, снаружи, есть и вода, и еда, и пастбища хорошие, и квартирники наши стоят крепко. А им, бедным, в нашем мире уже места нет. Вот и везём мы их на Великий Погост. Слушай и мотай на ус, скоро сам туда поедешь”.

Так и учился Ивашка непреложным истинам, из которых состоит сама земля, камни, асфальт. Учился по старым книгам с жуткими гравюрами, по молитвенникам Первой и Третьей Церкви, по страшным песням Пустых Сестёр, по долгим, как зимняя ночь, былинам Лаврентия. Учился сжигать имена, учился отрезать большие пальцы. С годами он принял мир таким, каков он есть, и жизнь у ворот загробного мира перестала казаться испытанием. До тех пор, пока не заболел Лаврентий, и ему не пришлось ехать на Погост, так и не заучив, как водится хорошему Могильщику, все былички.

Так, вспоминая детство, Иван правил свою повозку к Первому Кругу, по свежему майскому леску, который только-только начал оперяться молодой зелёной листвой. Он дал лошадке отдохнуть и пощипать травку, а сам завтракал яйцами и хлебом, сидя на берегу ручейка. Отсюда ему открывался вид на Вавилоновку, ближайшую к ним деревеньку, состоящую из двух квартирников-девятиэтажек со стеклянными окнами, пяти хрущей, и бесчисленного множества деревянных домиков, рассыпанных вокруг. Ивашка вздохнул и улыбнулся мечтам. “Однажды” - пробормотал он вслух - “Стану настоящим могильных дел мастером, бледным и строгим, поселюсь на верхних этажах и буду гадать людям по пальцам, и нанесут их мне целые горы”.

Его честолобивые размышления прервал треск кустов, из которых показался уставший парень, не намного старше его, одетый в старый пиджак с зелёной вышивкой - знаки еретиков-второцерковников.

-Так что ж такое слава? Дуновенье! - бравурно выкрикнул пришелец, глядя на оторопь Ивашки. - не причиню тебе вреда! - Ивашка быстро вернул самообладание. Хоть и не был знаком ему говор пришельца, но наверняка тот был с Вавилоновки, которая так и тянула себе всяческих оборванцев, готовых нацепить на себя одежды еретиков и щеголять цитатами из старых книг.

-Да и не боюсь я - сказал Ваня, чуть нахмутив брови. - Ты кто такой будешь?

-Звать меня Василием - сказал приبلуда. - а по жизни своей - поэт и сказитель.

-А я Иван. Все Ивашкой зовут. Подмастерье могильщика. - бесхитростно ответил мальчик. Еду на север, покойников везу. - и махнул головой в сторону телеги.

Василий сделал большие, круглые глаза, осмотрел Ивашку и телегу.

-На Погост? А возьми меня с собой? Я тебе историй расскажу. Я их много знаю. И был я там уже однажды!

-Да ты, никак, брешешь - ухмыльнулся Ивашка. - Никому на Погост ходить нельзя, кроме Могильных Мастеров, да и тех не пустят, пока все Песни не узнают. Даже я еду в первый раз.

-Вот тебе проводник и не помешает!

-Ну садись, сказитель - Ивашка широко улыбнулся, но тут же призадумался и улыбка сошла с лица. - только мне далеко. За Третий Круг ехать. У нас деревенский голова помер.

Василий-поэт испуга не показал, только кивнул довольно, и залез вместе с Ивашкой на телегу.

Так, они вместе тронулись в путь. Пока кобылка брела по плохой, почти без асфальта дороге, Василий рассказывал о себе. Выяснилось, что он всего на два года старше Ивашки, что еретический пиджак он нашел, другой одежды у него нет, а злость односельчан его только веселит.

-Вот чего никто из Вас точно не знает, так это того, что Погост раньше был городом живых - сказал Василий.

-Да ну? Никогда про такое не слыхал. - насторожился Иван.

-Это был огромный, светлый город, - рассказывал Василий, мечтательно глядя вдаль. С высокими домами, храмами Первой и Второй церкви, стоящими рядом, самоходными машинами. У него даже имя своё было. - Василий хитро прищурился и достал из внутреннего кармана маленький квадратный магнитик, на котором был изображен древний первоцерковный храм, похожий на пряник, и было написано одно слово - "Москва". - а потом случился Год Без Смерти и не стало города.

-Чур тебя! - воскликнул Ивашка. - Такие вещи за собой таскаешь. Не было там города никогда. Погост всегда Погостом был. И название это вслух не вздумай говорить, а не то пойдешь пешком. Или четвертый ящик на телегу добавлю - он нахмурился.

-Ну извини меня, могильщик - сказал Василий и убрал магнит. Я твою веру уважаю, беду на тебя не накличу.

Так, до Врат, они больше не поднимали эту тему. Василий рассказывал сказки о путешественниках и героях, Ивашка молча улыбался и слушал, вглядываясь вперед и чувствуя, как с этими историями страх перед неизвестным медленно отступает, словно талая вода, уходит в землю. Но, как постоянно напоминал ему Лаврентий, ни один путь не может длиться вечно - впереди, наконец, показалась огромная арка обветшалого моста, нависающая над дорогой и ныне служившая только одной цели - отделить

страну живых от древнего края Мёртвых. Мрачный зев звал путников в себя, заставлял их чувствовать бессилие и тревогу, а ветер, дующий из врат, колышущий свирель-траву, походил на дыхание Левиафана. Белая лошадка, повинувшись поводьям, медленно побрела к серому проходу.

II

Попав в тень арки, мальчишки моментально притихли, словно их голоса следовало оставить позади - там где остались солнце и весна - и принять правила игры, заведённые на Первом Круге загробного мира. Всё пространство под мостом было усеяно идолами, амулетами, оберегами, большими и малыми - чтобы исконные обитатели этой скорбной земли забылись навсегда, и никогда не возвращались под солнце. Трава не росла здесь из-за вечной тени, которую отбрасывал свод моста, а о жизни напоминали только три дворняги, грызущие огромную звериную кость. Услышав скрип колёс, псы подняли головы и равнодушно проводили телегу взглядом.

-Тут начинается Первый Великий Круг. - сказал Ивашка после того, как они пересекли ворота. Круг Молчащих Домов. - Пройдя через Врата, Ивашке на секунду показалось, что они попали в невысокий лес: вдоль дороги, на каждом свободном клочке земли, стояли могильные знаки. Кресты, столбики, таблички, всех форм и размеров. И едва доходящие до колена, и в высоту телеги. Некоторые были свежими, некоторые - старыми и осыпавшимися. Объединяло их только одно - ни на одном не было имени.

-Так много... - пробормотал Ивашка. - Я знал, что тут везде могилы, но не думал, что они растут здесь глухим лесом.

Наконец, оправившись от такого количества знаков, Ивашка отправил лошадку вперёд, по дороге с разбитым асфальтом и, наконец, огляделся по сторонам.

Они ехали по широким стародавним улицам, мимо рыжих остовов автомобилей, похожих на скелеты огромных животных, мимо узловатых тополей, растущих сквозь асфальт. Всюду, куда хватало глаз, высились ровными рядами одинаковые квартирники-многоэтажки, темные и глухие, рассматривающие путников черными глазами.

-Некрополи - вздохнул Ивашка - сделаны точь-в-точь, как наши дома. Или наши дома построены по их образу и подобию. Василий в ответ хитро ухмыльнулся.

-Это и есть дома, Ваня. Бывшие колыбелью жизни, стали пристанищем смерти. Людей хоронят в старых квартирах. Это город-упокойще. Нам не пора остановиться и предать земле первое тело?

-Нет... не пора. Каждый получает по смерти то, что имел в жизни, даже немного больше. - раздраженно буркнул он в ответ - А Мастера Могильные следят, чтобы закон соблюдался. Шестерённый был человеком хорошего достатка, жил в настоящей

квартире. Я пойду искать свободный склеп, а ты за лошадкой присмотри. Пройдусь по первым этажам.

Поэту не хотелось оставаться в одиночестве, он посмотрел на неровные ряды могил, на слепые глазницы упокоившихся, но согласился и похлопал лошадку по боку. Не успел он пожелать Ваньке удачи, как тот уже скрылся в тумане.

Ивашка ходил по одинаковым улочкам проложенным между некрополями-домами, смотрел на двери подъездов, на разбитые уличные фонари. Было ему не по себе. Всю жизнь он, его братья и сестры, да множество других людей селились в убогих лачугах, мечтая о хорошей комнате в каменном квартирнике, которые принадлежали Третьей Церкви да самым богатым семьям. Большинство его знакомых предстояло лечь у дороги и получить безымянный могильный знак, но не шестеренщику, который и хорошим человеком-то никогда не был, лишь сумел нажить себе больше денег, чем остальные. Мальчик одёрнул себя от еретических мыслей (“Да не упомни имени его, сожженного в рыданиях!”) и, оставив страх и неверие, он смело дернул первую подъездную дверь.

Василий сидел на телеге и курил трубку, в одиночестве ожидая возвращения Могильщика. Ивашка вернулся к нему только спустя три часа, когда болезненное солнце уже начало клониться к горизонту - понурый, словно немного постаревший. Оба мальчика видели страх в глазах друг друга, но не высказали его ни словом.

-Ну что, мастер, как разведка?

-А ты знаешь, виршеплёт, хорошо. - Ивашка выдавил из себя улыбку. В паре домов отсюда есть свободная квартира на первом этаже, и ещё одна - на пятом. Там и заночуем, пожалуй. Может, это и не очень по букве Закона, но никаких могильных знаков там нет, можно и поспать.

Ребята, пыхтя, затащили ящик сначала в подъезд, а потом и в квартирку на втором этаже - пустую и холодную.

-А почему гробы такие лёгкие? Тела там вообще есть? - задумался Василий.

-Конечно есть. Просто после того, как мы им пожгли имена, они становятся легче. Цеховая тайна. - страшно сказал Ивашка.

Квартирка оказалась полупустой, без мебели, с небольшим количеством ржавой посуды и парой ковров.

Гроб поставили в центре самой большой комнаты, на пыльном ковре. Ивашка бродил по квартире и наносил на стены многочисленные знаки темной краской, бормотал песни и былички, поминал святых двух церквей. Василий, тем временем, встал у ног гроба и продекламировал:

Ты лишь уснул, сгорел, как говорят Пустые.

Но жил ли ты, несчастный человек?

Отведал все плоды земные?

Насытил душу иль в пустую прозябал свой век?

Ванька хотел кинуться на него за такое кощунство, но усталость ему помешала. Он снова взглянул на гроб и с трудом вспомнил лицо шестерёнщика, скорбное и унылое. Он молча кивнул Василию и они вышли наружу. Квартиру опечатали по всем правилам, нанесли все знаки, оставили, каждый, след большого пальца на двери и, уставшие, поднялись на пятый этаж, в другую свободную квартиру. Не сговариваясь, дверь решили запереть изнутри.

Второе жилище сохранилось почти нетронутым, лишь покрытое толстым слоем пыли. Мальчишки прошлись по квартире в поисках интересных вещей. Найти удалось несколько старых фотографий, гитарный гриф, кошелек со смешными монетками, книги, так похожие на те, которые им доводилось читать в детстве. Ивашка тоскливо смотрел на то, как поэт изучает находки, не веря тому, что люди и вправду здесь когда-то жили.

-Брось, Вань. Это не делает твою работу бессмысленной. Кто-то живет. Кто-то умирает. Просто таков закон этого мира. Нам его не изменить. - подбодрил его Василий и посоветовал заняться ужином.

Проведя краткий экскурс по квартире, ребята разложили Ивашкину жаровенку-самогрейку, зажгли керосинку и несколько свечей, и принялись подогреть хлеб и мясо, которые Ивашка взял с собой с запасом. Огненные блики заплясали на стенах, тени заводили хороводы вокруг живых путников. Свет словно отделил их от черной ночи за окном, напомнил о том, что сердца бьются, кровика бежит по жилам, а пальцы крепко сжимают горячий хлеб. Страх ночи и огромного города-кладбища отступил. У Василия нашлось несколько историй о прошлом города, о том, как здесь жили люди.

-Бесконечно похожие на нас, сам видишь. По утрам ходили на свои работы, в храмы, ели еду, сражались. Первый Круг всегда был для людей. Только многие из них забыли ценность жизни и превратились в покойников, в Год Без Смерти. Продолжили бродить, забыв, что умерли. - Смотря на керосинку, он говорил, говорил и говорил, а Ивашка замороженно слушал поэта. В какой-то момент Василий даже потянулся за губной гармошкой, но Ивашка запретил ему нарушать тишину могильника.

-Так если тут жили люди, пусть даже тысячи лет назад, почему тут стал Погост?

-Одни легенды говорят, что город этот выстроили мертвым. Чтоб успокоить их и найти примеренье. Другие говорят, что для того же им подарили самый большой город страны... Теперь уже и не узнаем. - ответил Василий. Он отвел взгляд от приятеля, глянул в окно и побледнел. - Вань, посмотри-ка, свет горит!

Ивашка подошел к окну и заглянул в него. В высотке напротив, этаже на двенадцатом, горел тусклый свет - единственное светлое окошко среди бесконечного ряда домов. Мальчик пожал плечами и, к удивлению Василия, совсем не испугался.

-Учитель мне рассказывал. Это только кажется, что на первом круге совсем никого нет. Иногда можно увидеть в окнах огоньки. Это могут ходить другие могильные мастера, а могут сидеть зрители, которые поддерживают эти места в порядке... Но ты не бойся - серьезно сказал он Василию - у могильщиков не принято вступать в разговоры, а зрителей никто никогда не видывал.

Ребята еще раз посмотрели в горящее окошко, на всякий случай, из вежливости махнув рукой, и улеглись спать до рассвета и ни один из призраков прошлого не потревожил их сон.

III

Над пустующим адом лежало холодное и промозглое весеннее утро, снова вместо яркого солнышка над землей поднялся бледный диск, скрытый пеленой облаков. На рассвете путники собрали свои скромные пожитки и повели лошадку вперед, в сторону центра Погоста. Начался второй день неспешного пути среди мертвых квартирников и бесконечных могильных знаков. Последние уже примелькались, и ребята не замечали их, словно ехали по низкорослому лесу из деревяшек и камней. Безымянные могилы не помогали отыскивать дорогу. Закон Третьей Церкви уважал покойников, но запрещал им иметь свои имена. И когда на четвертый час пути он увидел несколько невысоких, гладких, черных камней с подписанными именами и изображением лиц, он невольно вскрикнул. На его голос проснулся Василий, всё утро дремавший рядом.

-Ты чего кричишь? - спросил поэт.

-Тут могилы... Подписанные, с лицами. - в глазах мальчика читался ужас.

Василий внимательно осмотрелся, взгляд его остановился на небольшом доме, который окружали бесовские столбики. На крыше висела большая красная буква "М".

-Поехали-ка отсюда. - ответил Василий. Подобру-поздорову.

-Ну нет, сначала сотру все имена, потом уедем. - Ивашка уже доставал длинный перст-скребок, пахнувший гарью и горечью. Негоже их так оставлять.

-Видишь тот дом? - махнул головой Василий. - Негоже нам рядом оставаться. Плохое место.

-Ну дом и дом, что в нём такого?

-Это вход в подземелья. Их на Погосте много. Небось не рассказывал тебе твой Лаврентий?

-Нет... А ты откуда знаешь?

-Знаю, говорю же, бывал уже здесь. Не нужно нам рядом с ними оставаться надолго. Кто знает, что там внутри живет.

Страх оказался сильнее цехового долга. Ивашка погнал лошадку вперёд, подальше от проклятого места.

-И кому только в голову придет так могилы уродовать? - спросил он скорее у самого себя.

-Почему говоришь “уродовать”? Может быть, бедные люди, которые лежат здесь и не знали твоих обычаев и обрядов? Может, они не умеют по другому прощаться с мёртвыми? Ты клеймишь их страшным словом “ересь”, но даже не знаешь, кем они были.

Ваня устыдился. Живя в маленькой деревне и целыми днями заучивая правила из старых книг, он и помыслить не мог, что где-то существует мир, сложенный из других кирпичиков, нежели его собственный, что долгие истории Пустых Сестёр, возможно, рассказывают лишь часть правды. И что если Третья Церковь...

-Скажи, Василий, а ты знаешь историю Второй Церкви? Наверняка ведь знаешь, не зря на тебе её пиджак. Почему про неё ничего не говорят, почему Первую помнят и уважают, а о второй - нигде ни строчки?

Василий улыбнулся, раскурил свою трубку, вытянул ноги и принялся рассказывать свою историю, глядя на унылое и больное солнце.

Почему говорят - Третья Церковь? Земля наша, горемычная, пережила трех богов одной веры, три смены всяческих попов. Первая Церковь была самой древней. И самой красивой, на мой-то взгляд - с золотыми куполами и резными храмами. Древние были похожи на нас - верили в смерть, чттили мертвого бога. Сохранились ли они до наших дней в том же виде или это придумки Пустых? Сам решай. У нас их много осталось, церквушек этих. От моря и до самого Урала их можно встретить. Старенькие, горбатые, но живые, поросшие биль-травой до самых макушек. Попам обрезали волосы, у колоколов повывергивали языки - они теперь безопасны.

Потом была Вторая Церковь. С ней такой фокус не удался. Появилась она, когда Первая ещё была сильна, на пике её могущества самые сильные и влиятельные прихожане откололись, решили вывести мракобесие, заговорили о человечности, вот только в глубине своей отличались они мало. Второцерковники носили на своей одежде символ в виде зелёной змеи, пронзенной копьем. Это были суровые, властные люди, изгнавшие Старого Бога из своих домов, построившие храмы из стекла и металла, имевшие в своих руках заводы и фабрики, машины и армии. Что с ними стало потом? Вот тут, как раз, заканчиваются даже самые тёмные сказания. Говорят, что именно из-за Второй Церкви случился Год Без Смерти.

Тогда-то, чтобы спасти весь мир и всех людей, живых и мертвых, пришли те, кто поёт песню могил и упокоищ. Они открыли семь башен, семь маяков, и мертвые со всей

земли устремились в город, который Вторая Церковь продала Змею Пронзенному. С тех пор, люди молятся Третьей Церкви как спасителям. Теперь-то все знают, что смерть неостановима, все молятся ей каждый день и с детства готовятся к упокоению. Я знаю, что в твоей деревне, друг, считают, что Загробный Мир и Великий Погост были всегда, а вы живете на краю света, у самых врат преисподней. А я говорю тебе, что когда-то это был великий город, который люди превратили в кладбище.

Поэт закончил историю. Ваня молчал, глядя вперед, на лошадиные уши. Правда, полуправда, переписанная история. Картинка сыпалась, словно старая штукатурка. Они поехали дальше.

Ивашка задумался. В его родных местах знали про Первую Церковь и не возражали против поклонения ей. В деревнях, поменьше обряды перемешивались и более причудливыми образами. Так и священнослужителей хоронили в древних храмах Первой Церкви, если не удавалось добраться до одной из семи великих башен.

-А что если и года без смерти не было? - спросил он у Василия. - ведь тогда получается, что придумать можно всё, что угодно. Василий удовлетворённо кивнул.

-Теперь понял? Вторая Церковь ничего такого не говорила, а её все равно объявили ересью. Как скажут - такой история и будет.

За разговорами о церквях ребята въехали на Второй Круг. Домов здесь было куда меньше, очень многие лежали в руинах. Местами, меж них пробивались высокие тополя и дубки, превращая целые улицы кладбища в настоящие рощицы. Асфальт здесь был старый, в трещинах, словно кожа столетней Пустой, и все вокруг покрывала биль-трава, растущая сквозь камни, прячущая многочисленные могилки и знаки. Она доходила до самых колен лошади и навевала на ребят дурман, заставляя вспоминать о вещах, давным-давно ушедших из их жизни.

Ивашка думал о родителях, с которыми он не виделся с далекого детства. Думал о запахе реки, свежескошенной травы, о яблонях, растущих в их дворе. Снова вернуться в их дом он сможет только после завершения обучения, и лишь для того, чтобы проститься с ними окончательно. Обряд сделал их чужими людьми, подарив Ивану нового отца.

О чем думал Василий, Ивашка так и не понял. Он лишь смотрел по сторонам, то и дело задерживаясь взглядом на домовинах с буквой "М" на крышах. Они, да многочисленные храмы Первой Церкви были единственными зданиями, которые почти не тронуло время.

Для похорон церковника выбрали маленький белокаменный храм. Разбитый купол, бывший когда-то позолоченным, лежал сиротливо, поросший биль-травой. На кресте сидела красногрудая птичка и наблюдала за тем, как мальчики заносят ящик в здание. Тусклый солнечный свет лился внутрь, освещая ритуальное помещение, которое не выдержало напора времени и пустило в себя дикую природу. Гроб оставили ровно в

середине помещения и Василий снова вышел вперед, оглядываясь на образы, запечатленные в дереве.

*Конец пути. Слова святые
Не разнесутся больше в тишине
Забудет люд молитвы гробовые
Сотрется память о лгуне*

Поэт выглядел озлобленным, но Ивашка, на сей раз не стал его останавливать. Он начал понимать его.. Третья Церковь, оплот живой смерти на земле, казалась вечной, нерушимой и могучей. А сейчас, ящик с её жрецом они занесли в маленький храм, оставили на нём последние отпечатки и закрыли дверь навеки, похоронив храмовника, бывшего бессмертным ещё вчера.

-Теперь на третий круг. - сказал Ваня, тяжело вздохнув. Я никогда не был там, и не имею понятия как туда добраться.

-Мы найдем дорогу - подмигнул поэт. Я обещаю.

IV

Утром следующего дня ребята обсуждали дальнейший путь, завтракая хлебом и вареными яйцами. Ваня говорил торопливо, взволнованно.

-Наставник сказал, что путь должен идти через мост. Но я поднимался на рассвете на тот стеклянный могильник, никакого моста там нет, одна колонна на реке торчит - с грустью сказал Ивашка. - Может, нам через эти твои подземелья пойти? Говорил же, они через весь... город идут.

-Нет! - резко ответил Василий. Никаких подземелий. Заблудимся. К тому же, ты сам слышал вой.

Ване пришлось согласиться. Ночевали они под открытым небом, устроив лагерь на ковре из мягкой былъ-травы, слушая её тихие шепоты и смотря на звездное небо. За пару часов до рассвета их разбудил заунывный вой и бормотание, которое словно прошло под землёй, и набрало полную силу, подойдя к домовинам. После этого мальчики в страхе погасили костер и накрылись одеялами, напряженно вглядываясь в ночь. Уснуть им удалось только к утру.

-Без моста будет тяжело - согласился Ваня. - А лошадка по воде ходить еще не умеет. Он смотрел на реку, искрящуюся майским послеобеденным солнцем. Сегодня было светло, небо было ярко синим и над головой пролетали редкие облачка. Но ветер

усиливался и с севера по небу двигался, как ледник, серый циклон. “Интересно, моряков хоронили в реке?” - невольно подумал Ваня, глядя на воду. Неожиданно, оба путника заметили то, что заставило их возбужденно переглянуться.

По реке плыла маленькая лодочка с одним-единственным человеком, одетым в черное, держащим длинный шест.

-За лошадью последи - бросил Василий и побежал вниз по склону, к реке.

Ваня подскочил на месте, взял кобылу под уздцы, и наблюдал, как Василий размахивал руками и что-то кричал черному паромщику, но ветер уносил все слова прочь. Наконец, лодочка начала причаливать к берегу. Только после этого поэт развернулся и пошел назад, к лагерю.

-Нас берут - сказал Василий, уставший, но светившийся от счастья, как майское солнце. Всего за пару монет, паромщик довезет нас за третий круг. Лошадь, правда, придется оставить. А вот нас и гроб он возьмет. Иван с сомнением посмотрел на восторженного друга, который сейчас от радости казался совсем мальчишкой, но согласился. Что еще оставалось делать? Они подвели лошадь к берегу и оставили её с телегой под крышей небольшого склепа. Ивашка организовал большую привязь, чтобы она могла спокойно пастись. Вдвоем с Василием они погрузили последний гроб на лодку. Ваня покосился на паромщика с длинным шестом. Лицо его закрывал капюшон, была видна лишь длинная, черная, с нитками седины, борода. Мальчика передернуло. “Это брат по цеху. У него можно многому поучиться” - успокоил он сам себя.

Мужчина в рясе ничего не сказал им, не открыл лица. Молча принял у Ивашки две монетки, кивнул, и тяжелым движением шеста оттолкнул лодочку от берега. Мальчишки отправились в путь по реке, текущей по царству Мёртвых.

Погода быстро начала портиться. Небо затянуло серыми тучами, с севера подул ветер, несущий сладковатый запах тлена. Лицо Ивана посерело, он задумчиво смотрел на воду, на сутулого старца с шестом, на возвышающийся вдалеке Третьецерковный храм, огромный и увенчанный звездой. Его беспокоило то, как поэту удалось договориться о перевозе, ведь с ним, с цеховым товарищем, перевозчик так и не заговорил.

Из размышлений Ивана вывел внезапный, далёкий вой, прокатившийся над могильниками и над рекой, звучащий так, словно взвыл раненый лось. Он резко поднял голову и спросил у Василия, какое чудовище может издавать такие звуки. Ответ пришел с неожиданной стороны, и не могут ли это быть подземники.

-То Зелёный Путник - низким, глухим голосом ответил старик, не переставая толкать лодочку. - Это поезд, который приезжает в Город каждые несколько месяцев. Он несется по стране, собирая тех, кто не нашел себе места и решил отправиться в последнее паломничество - при жизни или посмертно. Эти бедные души и тела находят себе пристанища в подземных тоннелях. Там они живут и умирают. У каждого большого кладбища есть своё кладбище. Так было, так будет.

Старик снова затих. Ребята посмотрели на него и преглянулись. Паровозный гудок снова раздался вдали и замолк окончательно.

-Так значит, там вниз те, кто ещё не умер, но кого отправили сюда за этим - спросил Ваня?

Паромщик и Вася кивнули одновременно.

Под тихий плеск воды они пересекли руины моста-ворот, который когда-то знаменовал вход на третий, самый маленький круг погоста. Над ними нависло громадное здание Третьей Церкви, одна из башен, разрывающая небо своей звездой на высоком шпиле.

Здесь, на берегах третьего круга, могильные знаки были высотой почти с самих ребят. Мальчики с трудом пробирались между знаков с тяжелым гробом, внимательно поглядывая в сторону Высотки.

-Я боюсь этого здания. - не стесняясь, сказал Василий. У меня от него мурашки, не меньше, чем от подземки.

Ивашка кивнул. В мутных окнах обиталища смерти ему виделось смутное движение.

-Такой дом могли построить только для Пустых Сестер и прочих немертвых созданий - согласился он. Тем не менее, оно считается благословенным. Мы похороним деревенского голову в некрополе, на который падает тень от Башни. Он должен видеть звезду.

-Никогда не понимал, откуда такие почести покойнику. Его имя же всё равно пожгли. Ляжет рядом с такими же и будет лежать...

Иван задумался в третий раз, пытаясь вспомнить подходящий аргумент из старых учений. У него ничего не вышло, он ответил просто:

-Деревенский голова был строгий и суровый - ответил он. Меня с могильным мастером не любил. - он поставил гроб на пол и вытер лоб. - Я доволен тем, что он останется как можно дальше от нашей деревни.

Василий согласился, и запирая дверь, тихо пропел:

Какая власть у мертвых над живыми?

Оставь им солнце и луну

Покайся, человек Закона

И плыви, плыви ко дну.

Ребята закончили обряд и смотрели, опершись на стену, на гигантскую Высотку. Она, казалось, смотрела в ответ, изучая их тысячей глаз, видя все их мысли, но не предавая значения богохульству, которое они совершали последние дни. День медленно шел к завершению. Иван был доволен проделанной работой. Первый раз отправившись на Великий Погост, он похоронил людей на всех трех кругах, увидел столько, сколько не видел за всю свою жизнь. Подумав об этом, он сказал Василию, что надо возвращаться к паромщику.

-Постой, Иваш. Здесь есть еще одно место, которое я хочу посмотреть. Всего в десяти минутках пешком. Хочу убедиться, правда это, или нет. Говорят, что здесь есть четвертый круг - самый малый, тот где хоронят богов.

Иван посмотрел на друга, затем взглянул на высотку, словно ожидая молчаливого одобрения. Ответа не последовало. Он кивнул, и медленно побрел за Васей на север.

Они отправились вглубь Погоста, в самый его центр. Могильных знаков здесь почти не было, лишь высоко, почти до плеч, поднималась биль-трава. Пройдя несколько сот они вышли на широкую площадь, продуваемую всеми ветрами. Прямо перед ними стоял первоцерковный храм с веселыми, разноцветными куполами-луковками, не потерявшими свой вид даже со временем. Вдали виднелось несколько полуразрушенных замков, и здание, внушавшее смутную тревогу - невысокий гранитный зиккурат.

Васька достал свой квадратный магнитик, засмеялся и показал его Ивашке.

-Я же говорил! Город тут был! Москва! Давным давно! А тут, в самом его центре, закапывали мертвых богов и королей! - Он рассмеялся, идя меж камней, трогая рукой желтоватую май-траву, поднявшуюся почти до его пояса.

Иван присел на большой валун, осмотрел поле и руины замков.

-Вот умрёт у нас бог, я его сюда тоже привезу - пробормотал он себе под нос. - В самый центр Погоста.

-Так здорово - улыбнулся Вася. - только вот непонятно, почему так много травы? Она даже камни поломала.

-Здесь хоронили больше всего людей - неожиданно нашел ответ Иван. - и хоронить начали раньше всего. Они перегнили и начала расти трава. Пройдут годы... - он помедлил, но собрался с духом и закончил фразу - и весь Погост порастет травой, она пожрет все некрополи и превратит его в поле, и всё навеки рухнет. Наверное так видит это Третья Церковь.

Васька замер. Неожиданные слова Ивана застали его врасплох.

-Так что же, мы все пропадем, все зарастем травой?

-Однажды будет так.

-Говоришь совсем как взрослый служитель смерти, могильных дел мастер. - Васька улыбнулся. Иван ответил такой же улыбкой.

-Пора возвращаться домой, сказал гробовщик. - Паромщик, я думаю, подберет нас сегодня, с первой звездой. Так у них должно быть заведено. Хочу заночевать с печкой и горячим ужином, на втором кругу, не здесь.

Вася кивнул и обернулся в сторону Зиккурата.

-Ты иди.. - тихо ответил он. А я пойду дальше.

-Что значит дальше, дурачок?

-Вперёд. Посмотрю весь первый круг, увижу Лабиринты и Крипты. Спущусь в подземелья, в конце концов. Что-то зовет меня туда. Вот будет приключение... Может быть, поучусь Могильному Мастерству, как и ты.

Иван вздохнул. Он увидел долгую, едкую тоску в глазах поэта, сереющую, как дождливое небо.

-Что же, иди, друг. Сложи хороших стихов о Великом Погосте Москве.

-Долгих лет тебе, могильных дел мастер. Желаю, чтобы твоё имя никогда не забывалось - подмигнул ему поэт.

Они обнялись и пожали руки. Василий зашагал прочь. Зелёный пиджак еретика еще долго был виден среди зарослей биль-травы. Неизвестно, чтобы сказали на это мертвые боги. Ивана это не интересовало. Похоронив за эти три дня все свои убеждения и верования, он чувствовал себя по-настоящему живым.

Ивана встречали как героя. Вернулся он спустя неделю после ухода из деревни, с пустой телегой, тремя свежими седыми волосками в густой шевелюре, лицом, спокойным и холодным, как могильный знак. Он вел лошадку между старых, кирпичных многоэтажек, а жители высовывались из окон и смотрели ему вслед, размахивая руками и одобрительно приветствуя того, кто спустился в царство мертвых и вернулся, выполнив первую свою миссию. На улице во всю светило солнце, деревья окончательно покрылись зеленью. Старик Лаврентий встретил его тёплыми объятиями, окончательно поправившись и придя в себя.

-Ну что, Иван. Поздравляю тебя. Ты прошел через Большой Погост, достойно выполнил свою работу и вернулся назад. Сегодня мы будем гулять. Дадим тебе цеховой знак, деревня отметит рождение нового Могильщика. Я не рассказывал тебе о многих тайнах Большого Погоста, но за эту неделю ты сам увидел большую их часть, я не сомневаюсь. Я не предупредил тебя лишь об одном, сынок... О подземниках, которые иногда вылезают наружу и бродят по Погосту, распространяя свои ереси.

-Я никого не встретил, учитель. - с улыбкой ответил ему Иван. - Но путешествие было и вправду не простым. И... Я хотел бы рассказать об этом историю. - закончил он, глядя в глаза старика, которые округлились от такого святотатства.

Март-апрель 2019